

3-1135/59г

Кукуруза — это тот конь, который нам нужен.
Из речи тов. Н. С. Хрущева на декабрьском Пленуме ЦК КПСС.

— ОСЕДЛАЮ Я ГОРЯЧЕГО КОНЯ!..

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

№ 1
(1543)
1959
10 ЯНВАРЯ

КРОКОДИЛ
МОСКВА • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ 37-й • ЦЕНА НОМЕРА 1 Р. 20 К.

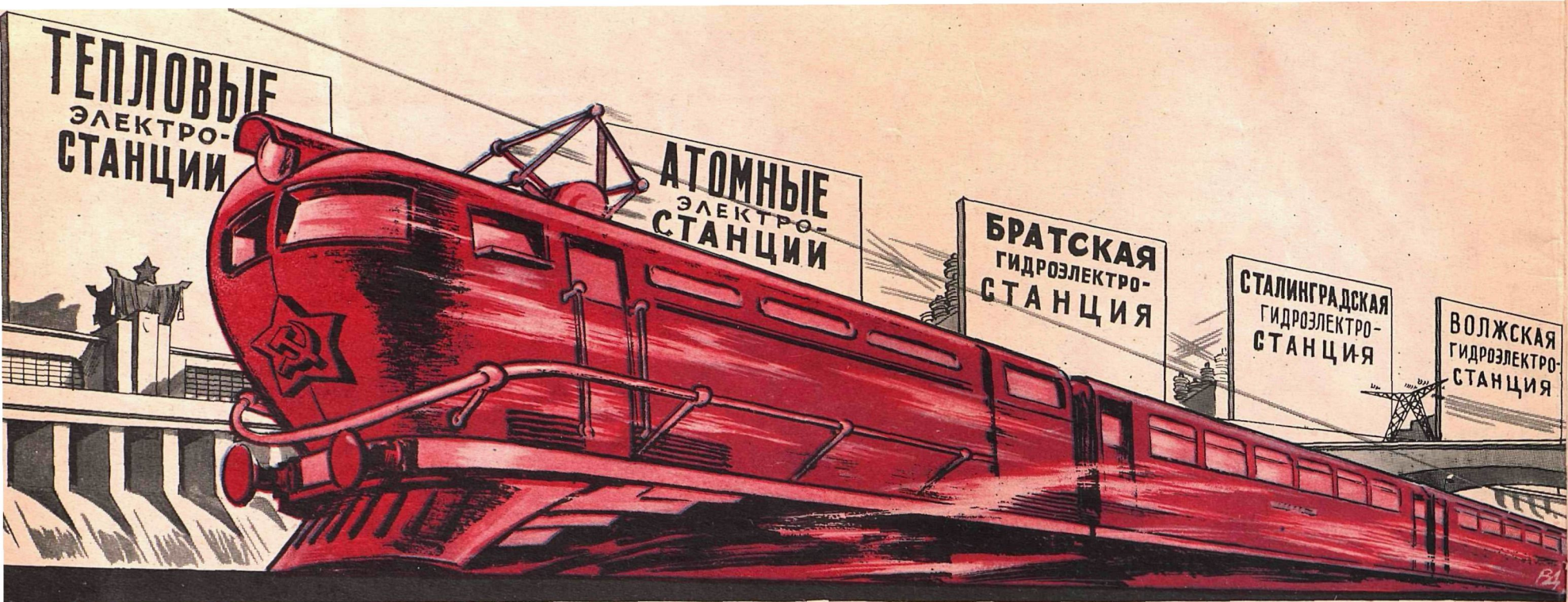

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Станции на пути к коммунизму.

Слово к читателю

З ДРАВСТВУЙ, дорогой читатель!

Приятно мне горячо приветствовать нашего давнего, так сказать, заслуженного читателя. Но среди тех, кто раскроет сегодня журнал, есть и новые лица: двести тысяч дополнительных подписчиков. Это, так сказать, подписчики-дебютанты, которые, как и всякие дебютанты, может быть, испытывают некоторую робость и сомнение. Напрасно, друзья! Хотя у меня, Крокодила, характер и неуживчивый, но с тобой, наш новый и желанный товарищ, мы наверняка найдем общий язык.

Итак, на обложке журнала стоит сегодня номер один. Это значит, что в нынешнем году мы встретимся с тобой, читатель, еще тридцать пять раз.

Чему же мы посвятим эти встречи?

— Конечно, борьбе за осуществление семилетнего плана развития народного хозяйства, — скажет любой из вас и будет абсолютно прав.

Действительно, ведь 1959 год — это первый год нашей замечательной и грандиозной семилетки. За рубежом ее называют семиступенчатой советской ракетой, советским мирным вызовом США и другим капиталистическим странам, планом номер один и так далее. А мы, советские люди, рассматриваем нашу семилетку как историческую программу развернутого строительства коммунистического общества, как решающий этап в достижении великой цели — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Хороша наша семилетка, и хороши в ней цифры! Взять хотя бы такую: 11,5. На одиннадцать с половиной процентов должна быть снижена себестоимость промышленной продукции в 1959—1965 годах. Лично мне эта цифра очень нравится.

Посудите сами.

Встретились два хозяйственника, и один говорит другому:

— Послушай, Иван Петрович, хочу вот новый завод отгрохать, да денег маловато. Придется челобитную в Госплан строчить. Как ты советуешь?

— Нет, не советую. Ведь деньги-то вокруг тебя, только осмотришь хорошенько. Про 11,5 не забыл?

И тут вспоминает наш хозяйственник, что уже в 1959 году каждый процент снижения себестоимости продукции составит 10 миллиардов рублей. Вот они, денюжка! Сами в руки просятся, только работай, думай, не ленись!

И строители о процентах разговаривают:

— Туговато со средствами, боюсь, что не уложусь в смету. Ну, да думаю, за какой-нибудь лишний процент не съедят меня!

— Ой, бойся, ой, съедят! Знаешь, наверное, что больше десяти миллионов жилой площади можно получить дополнительно, если снизить стоимость строительства только на один процент.

— Так что, если перерасход допущу, не поймут меня?

— Не поймут. Лучше уж ты, друг, на экономию нажимай!

Одним словом, хорошая эта цифра — 11,5. И все же, говоря откровенно, испытываю я некоторое беспокойство.

— Беспокойство? По какому поводу, в связи с чем?

Да хочется мне, чтобы наши плановые наметки не только выполнялись, а и перевыполнялись, чтобы накоплений у нас было больше. В самом деле, почему 11,5, а не 12 или, скажем, 15?

Тут, конечно, меня могут сразу упрекнуть в слабой экономической подготовленности, в незнании экономических пропорций, и прочем, и прочем. Ну что ж, и я за словом в карман не полезу.

Представьте себе такую картину. Приходит директор Ижорского завода с работы и садится обедать. Жена подает ему котлеты, но какие-то уж очень крохотные. Буквально микроскопические.

— Нехорошо у вас получается, дорогая, — говорит директор супруге. — Вчера я купил вам килограмм мяса и мог бы, кажется, рассчитывать на полноценную отбивную, а не на эти, простите за выражение, фрикадельки...

— Ничего не поделаешь, — отвечает жена. — Купил-то ты действительно килограмм, да ведь восемьсот граммов ушло в стружку...

Разбушевался тут муж-директор.

— Да я их, — говорит, — да я им!

А жена отвечает хладнокровно:

— Прежде чем кому-то грозить, ты на себя погляди. Ведь из твоих поковок, которые ты посылаешь ленинградскому Металлическому заводу, тоже уходит в стружку восемьдесят процентов металла!

Неприглядная картина, не правда ли?

И вот другая довольно неприятная картина. В Башкирском совнархозе давно уже готовы к эксплуатации 109 скважин, они могут дать 350 тысяч тонн нефти в год, но не выдают пока ни грамма, потому что к ним не подведены нефтепроводы.

А Министерство электростанций как поступает? Сами станции оно строит, а вот на сооружение линий электропередач у министерства просто не хватает времени: в 1957 году план ввода линий электропередач был выполнен на 76 процентов, а за 10 месяцев прошлого года — только на 41 процент. Вот и выходит: есть электроэнергия и нет ее!

Или взять строительство. Некоторые стройки Читинской области привозят кирпич за 2 тысячи километров. И каждый такой кирпичик обходится почти в рубль. Хочешь — строй из него дома, а хочешь — в сейф складывай: не строительный материал, а настоящая валюта! Средняя дальность перевозок кирпича составляет сейчас 300 километров. И если сократить ее хотя бы до 200 километров, то можно было сразу сэкономить полтора миллиарда рублей. «...И сокращаются большие расстояния...»

Над словами этой популярной песни стоит призадуматься. Вот в Ленинграде уже определенно задумываются. Депутат Н. И. Смир-

нов рассказали на последней сессии Верховного Совета СССР о том, что в Ленинграде имеется 101 проектно-изыскательская организация. Полезные организации! Они составляют проекты для Приморья и Читы, Иркутска и Красноярска, Кемерово и Новосибирска. Проектанты, конечно, часто ездят на «место действия». И расходуют на эти поездки до 50 миллионов рублей в год. Потому что опять-таки расстояния! И в Ленинграде задумались: нельзя ли подсократить эти расстояния? Стоит поразмыслить об этом и москвичам. Материалы сегодняшнего номера дают пищу для таких размышлений.

Вообще, сдаётся мне, нам нужно все время думать, как сократить управленческие расходы и разумной реорганизацией уменьшить непомерно раздутый кое-где управленческий аппарат. Вот примеры — характерные и разительные!

В Ивановском совнархозе на тысячу рабочих приходится 65 работников управленческого аппарата, а в Дагестанском — 175; в Харьковском — 77 управленцев на тысячу рабочих, а во Львовском — 112!

А сколько лишних людей топчется вокруг сельскохозяйственного производства, вокруг колхозных и совхозных полей и ферм!

Теперь и скажи, читатель, есть ли у меня повод для беспокойства и имеется ли у нас возможность сэкономить многие и многие миллиарды рублей? А то, что триллионы, которые нужны для нашей семилетки, складываются из миллиардов, каждый школьник знает.

Вот и решил я навести свои вилы против всех этих непорядков. Знай, читатель, что отныне

Крокодил — шеф экономии и борьбы за снижение себестоимости промышленной продукции, борьбы с излишествами, расточительностью и бесхозяйственностью, шеф борьбы за упрощение и удешевление управленческого аппарата.

— Позволь, дорогой Крокодил, — скажешь ты, мой читатель. — А до конца ли ты прочитал тезисы доклада товарища Н. С. Хрущёва? Разве ты не знаешь, как много нам нужно сделать в предстоящем семилетии для улучшения торговли, быта?

Отвечу коротко:

— Читал до конца. И потому громкогласно объявляю:

Крокодил будет держать под своим постоянным и зорким контролем бытовое и торговое обслуживание населения в городе и на селе.

И опять я слышу вопрос:

— Хорошо, а как быть с хулиганами и пьяницами, спекулянтами и взяточниками, бюрократами и волокитчиками, со всеми теми, кто мешает нам жить и строить коммунизм? Неужели ты, дорогой Крокодил, заключил со всей этой нечистью перемирие на семь лет?

— Ни в коем случае! — отвечаю я. — Нет! Никаких мирных конференций с этими людьми, никаких встреч за круглым столом!

Крокодил будет непримиримо бороться с хулиганством и пьянством, со спекуляцией и взяточничеством, бюрократизмом и матушкой-волокитой, будет вести настойчивую борьбу за здоровый быт, за воспитание нового человека коммунистического общества.

Так, дорогой читатель, я представляю свою программу. Только заранее предупреждаю, чтобы самому не получить вилы в бок: не выполняю я свою программу, если ты, читатель, не поможешь. И потому хочется видеть мне, как ринутся в бой за экономии посты Крокодила на заводах, в колхозах, совхозах и в учреждениях, как мобилизуются на борьбу с недостатками «Колоски», «Ежи» и прочие ершистые, задорные сатирические издания. Активнее действуй, дорогой читатель, чаще советуй мне, предлагай, критикуй...

— Я уже.

— Что уже?

— Уже хочу покритиковать.

— Кого покритиковать?

— Тебя, Крокодил. Есть у тебя серьёзный недоучет. По линии смеха. Мы, читатели, хотим, чтобы ты не только жег сердца людей огнем сатиры и пробуждал гнев. Мы жаждем и улыбки.

— Ты прав, мой читатель! Разве я против улыбки? Говорят, что смех — верный признак здоровья и процветания. И кому же смеяться, как не нам, советским людям, у которых дела идут все лучше и лучше, которые добиваются одного успеха за другим!

Можешь смело считать меня шефом веселья, задорной шутки, забавного рисунка, остроумного рассказа. Пусть слышат наш смех не только все наши друзья, но и враги. Пусть враги знают: раз мы смеемся, значит, мы полны сил, бодрости и здоровья.

И пусть не рассчитывают на то, что мы оставим в покое дипломатов-атомщиков, дипломатов-колонизаторов и всех тех, кто стоит за их спиной. Огонь по ним из всех видов и родов нашего испытанного сатирического оружия!

Еще раз приветствую и поздравляю тебя, дорогой читатель, с новым, 1959 годом!

Крокодил

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Первой ласточкой Крокодил на сей раз назвал первый сигнал с первого крокодилского рабкоровского поста, возникшего на Московском автозаводе имени Лихачева. Ласточка оказалась птичкой довольно зубастой и вьедливой: не дожидаясь весны, она прилетела в редакцию и принесла письмо, которое Крокодил решил опубликовать под заголовком:

О холоде и холодильнике

Новый календарь отщелкивает дни, словно счетчик такси — километры. И будто напоминает: время дорого, готовьте, граждане, зимой телегу!

Надо сказать, «телеги» разные бывают. Для какой-нибудь Марьи Ивановны — это модный купальник и босоножки. Для колхозов — сеялки и жатки. А для многих граждан — домашние холодильники, особенно производства Московского автозавода. Летом на них ох какой будет спрос!

Готовят ли автозаводцы свою «телегу»?

— Мы-то готовим, — отвечают на заводе. — Хотим сделать новый холодильник, чтобы был и покрасивее и пообъемистее. Да только не все от нас зависит. У нашего дитяти есть еще и дяди — заводы-смежники. Они-то и должны дать кое-что новорожденному. Охтинский химический комбинат обязан снабдить младенца листовой пластмассой, Карачаровский и «Карболит» — крупногабаритными пластмассовыми деталями, а Ивотский завод — термоизоляцией из стекловолокна. Наш ребенок хочет получить бельишко из нового материала — пластмассы, а не из бязи. Бязь очень дорого обходится, ее можно и на другие нужды пустить, а мы каждый год на внутреннюю обшивку дверцы холодильника больше миллиона метров вкочлачиваем.

— С удовольствием! — в один голос сказали дяди-заводы. — Все дадим, что надо. Тем более нас обязали вышестоящие организации. Только услуга за услугу: вы уж, будьте любезны, снабдите нас пресс-формами!..

— Мерси! — сказали вежливо на заводе «Карболит», получив пресс-формы. — Очень благодарны. Что? Детали? Хе-хе, рады бы, голубчики, да нету их у нас! А на нет, как говорится...

Карачаровцы, получив пресс-формы, тоже поблагодарили и обещали, что при первой возможности они детали автозаводу дадут. Но пока такой возможности нет. А потому не пришло ли им автозаводцы еще и литейные машины?

Машины были посланы, но директор Карачаровского завода тов. Ниженец детали посылать не торопится, а обдумывает, что бы ему еще попросить.

На Охтинском комбинате тревожные сигналы москвичей звывали большую печаль:

— Нам и так горько, что не можем освоить листовую пластмассу, а тут еще автозавод пристаёт. Что? Бязь дорого стоит? А вы... это... пустите в ход габардин. Или, скажем, креп-сатин...

То же получилось и со стекловолокном. Не дает его Ивотский завод — и баста! И даже в переговоры на эту тему вступать не желает.

Как видите, довольно холодно отнеслись дяди-смежники к выпуску холодильника.

Кстати, поддать им жару могли бы совнархозы Московский областной, Ленинградский и Брянский. Им подведомственны эти хладнокровные заводы. Может быть, тогда дело сдвинулось бы с точки замерзания?

Н. УШАТИКОВ, А. НОВИЧКОВ,
рабкоровский пост Крокодила на Автозаводе
имени Лихачева.

ПЛАНЕТЫ: — Нашего полку прибыло!

В МИРЕ ВЫВЕСОК

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

ОБЫЧНОЕ московское утро. Перекресток улицы Куйбышева. Направо — Большой Черкасский. Налево — проезд Владимиров. Время — без четверти девять.

Еще полчаса назад здесь было тихо и пустынно. И вдруг, словно прорвав плотину, хлынул неудержимый поток людей и машин. Совсем как у Маяковского:

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья...

Сколько всяких учреждений сосредоточено на одном только этом пятачке! Главки... гидро... снабвы... сбыты... торги... базы... А сколько их во всей Москве!..

Вот вывески во дворе дома № 4/6 по проезду Владимиров: «Росглавпищеснаб», «Гипроторф», «Трансгидрострой», «Московская областная контора главного управления материально-технического снабжения», «Гипро-нефть», «Росрыбснаб», «Московская областная торговая база», «Оперативная группа «Сталинградгидрострой», и т. д., и т. п...

В этот ранний час на оживленном перекрестке улицы Куйбышева очутился и Крокодил.

Он стоял у ворот густо заселенного учреждения дома № 4/6 по проезду Владимиров, перечитывал вывески, размышлял: «Есть вывески, которые не прочтешь без толкового словаря. Есть вывески с виду понятные, но вот что скрывается за ними — для непосвященных покрыто туманом. А ведь всюду сидят люди, что-то делают. Как бы хоть с некоторыми познакомиться?»

Размышляя обо всем этом, Крокодил отправился в путешествие по Москве, а потом и по Ленинграду.

КАК В ЛЕСУ

По преданиям, в старой Москве, за Тверской заставой, шумел дремучий лес, где нетрудно было заблудиться.

Крокодил же ухитрился заблудиться сейчас, когда здесь никакого леса нет. Заблудился в доме № 5 по Волоколамскому шоссе.

...Никаких вывесок на улице не было. Крокодил вошел в здание. На первом этаже на дверях прочитал таблички: «Директор», «Главный инженер», «Заместитель директора», «Заместитель главного инженера», «Главный бухгалтер», «Старший бухгалтер», «Бухгалтер», «Начальник отдела кадров»...

Поднялся Крокодил на второй этаж, там такие же таблички: «Директор», «Главный инженер», «Бухгалтерия», «Отдел кадров», и т. д., и т. п.

На третьем, четвертом, пятом — всюду одинаковые таблички.

— Не понимаю! — удивился Крокодил. — Что у вас, начальники, бухгалтерии, отделы кадров закреплены за каждым этажом?

— Ничего подобного! — объяснил сведущий человек. — На каждом этаже своя организация, а всего их восемь: «Фундаментпроект», «Сантехмонтажпроект», «Электропроект», проектная контора «Гидромеханализация», еще три проектных института и...

— Чем же они отличаются друг от друга?

— Откровенно говоря, я и сам не знаю. Все проектируют, и все подчинены восьмой ор-

ганизации — Управлению проектных работ Министерства строительства РСФСР. Оно тут же, на третьем этаже...

— Случайно не проектирует ли это управление слияние всех бухгалтерий, отделов кадров и других разрозненных административных частей?

— К сожалению, нет. Проектными работами управление не занимается. Оно, видите ли, только руководит...

КУРОРТНАЯ ЖИЗНЬ

Размышления Крокодила были прерваны шумом, доносившимся из учреждения подвешивательной вывеской «Московская городская заготовительная контора МОСПО». Войдя внутрь, Крокодил увидел странную картину: несколько человек вырывали друг у друга из рук маленькую бумажку.

Баталия сопровождалась агрессивными выкриками:

- Отдай квитанцию!
- Нет, ты отдай!
- Вчерашнего зайца вы оформляли?
- Нет, не я, а он! Сегодня моя очередь.
- Нет, моя!

Из-за чего же разгорелся конфликт? Причина оказалась довольно существенной: изнывающие от безделья сотрудники конторы с жадностью набросились на квитанцию от рыночной палатки — одной из шести, составляющих все хозяйство конторы.

— Неплохая работенка — выдумывать себе работу! — сказал Крокодил. — По этому случаю надо послать товарищам приветственную телеграмму.

На Центральном телеграфе внимание Крокодила привлек оживленный диалог у окошка телеграфистки:

— Выходит, дорогой, ты опять толкачом устроился?

— Бери выше. Мы теперь не толкачи. Мы контора.

— Это какая еще контора?

— Контора Горьковского автозавода в Москве. Нас здесь сорок три человека. Да еще другие без конца ездят в командировки. Из Горького в Москву и обратно.

— Значит, суточные не шуточные, да? А живете где?

— Кто в гостинице, кто на частной квартире. В общем, жить можно.

— Видимо, сколько ни кричи, а все те же толкачи. Ловко!

— А ты теперь где кормишься?

— В солидном учреждении. Штат — тридцать пять человек! Одно название чего стоит: «Московское управление снабжения и сбыта Главного управления снабжения и сбыта совнархоза Грузии»!

— А зачем нужно такое управление главного управления? Ведь Госплан Союза заранее все планирует. И зачем нужны тридцать пять работников в таком управлении?

— Этого я уж не знаю. Знаю только, что такие управления имеют в Москве и другие республики. В Киргизском, например, — тридцать два человека, в Казахском — шестьдесят девять человек, а в Украинском до восьмидесяти пяти дотянули. Живут же люди!

— Ну, а чем вы у себя в управлении занимаетесь?

— Обеспечиваем республику самым необходимым.

— Например?

— Получаем шнуры из Татарии и отправляем в Грузию. Пуговицы получаем из Ленинграда и тоже отправляем в Грузию! Понял?

— В общем, с пуговицы на петельку перебиваетесь?

— Нехорошо так говорить, дорогой! Ботинки без шнурков носить не будешь и брюки без пуговиц тоже...

— Нет, конечно. А где Жора работает, не знаешь?

— Устроился великолепно. В Московском санаторно-курортном отделе Магаданского обкома профсоюза цветной металлургии. Путевки достает...

— Вот это настоящая курортная жизнь!..

ПОЧЕМУ!..

Проходя по улицам Москвы, Крокодил ломал себе голову: почему некоторые учреждения находятся в Москве?

В поисках ответа на сей мучительный вопрос он подошел к киоску Мосгорсправки.

— Будьте добры, — попросил Крокодил, — дайте мне адрес Института океанологии. Он занимается изучением морей и океанов.

— Вы, вероятно, шутите, — смущенно ответила девушка. — Этот институт вам нужно поискать где-либо на берегу Черного, или Балтийского, или Каспийского моря.

— Может быть, вы мне посоветуете отправиться к Северному Ледовитому океану?

— Правильно! — засмеялась девушка. — И на Тихом океане свой закончите поход.

— Увы! — грустно сказал Крокодил. — Вы не угадали. Институт океанологии находится в Москве, а за морской и океанской водой надо, видимо, ездить в командировки.

— Почему? — удивилась девушка.

— Вот и я спрашиваю: почему?

— К сожалению, на этот вопрос Мосгорсправка ответить не может...

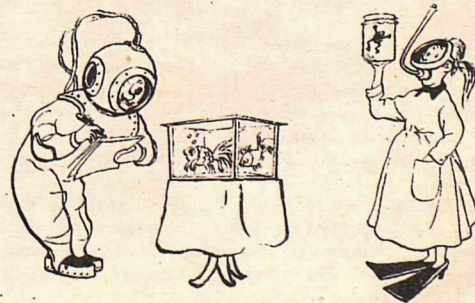
И пошел Крокодил несолоно хлебавши и не получив ответа на свои недоуменные вопросы:

Почему Всесоюзный научно-исследовательский институт нефтепереработки разбросан по Москве в шести местах, а седьмого места, поближе к производству, не находит?

Почему Всесоюзный научно-исследовательский институт коневодства не переезжает из Москвы туда, где кони гуляли бы на воле, а сотрудники института в смысле условий работы были, как говорится, на коне?

Почему два проектных института, «Тяжпромэлектропроект» и просто «Электропроект», похожие друг на друга, словно родные братья, никак не могут объединиться или разъехаться в разные города? Предположим, братья сами не могут на это отважиться. Почему бы тогда их родителям — Министерству строительства РСФСР — не прозвать решительность? Почти год идут разговоры о переезде «Электропроекта» в Свердловск, а у министерства духа не хватает, чтобы от слов перейти к делу.

И, наконец, почему все они не берут примера с переехавшего в Усть-Каменогорск Центрального научно-исследовательского горнорудного института? Ведь ясно, если гора не идет к институту, то институт идет к горе.

Задумавшись о превратностях судьбы многих московских институтов, Крокодил неожиданно увидел любопытную вывеску: «Московский филиал Центрального научно-исследовательского института целлюлозной и бумажной промышленности (ЦНИИБ)».

«Странно,— подумал Крокодил,— насколько мне известно, в Москве нет бумажных и целлюлозных фабрик. Для чего же здесь филиал?.. Может быть, он помогает московской обойной фабрике и фабрикам технических бумаг «Союз» и «Октябрь»?»

— Увы, филиал сам по себе, а мы сами по себе,— поведали Крокодилу работники фабрик.— Он не только оторван от производства, но и оторван у нас площадь, которая нужна нам до зарезу.

И пошел Крокодил восвояси, печально размышляя:

«В Ленинграде существует Научно-исследовательский институт бумаги. И он с большим успехом может делать то, что делает его маломощное московское отделение. Почему же существует в Москве филиал? Неужели только потому, что бумага все терпит?...»

СТРАНСТВУЮЩИЕ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ

Выдержки из дневника, найденного Крокодилом в Ленинграде, у подъезда дома № 6, по каналу Грибоедова.

Воскресенье. Вчера Иван Иванович выехал с бригадой в Кемерово, Петр Петрович — в Красноярск, Семен Семенович — в Иркутск. Другие товарищи — еще дальше. Расстоянием не стесняемся.

Понедельник. Сегодня Николай Николаевич вернулся с бригадой из Читы, Сидор Сидорович — из Приморья, Кузьма Кузьмич — с Сахалина. Отдохнут немного — и снова в путь. Недаром у нас, в «Ленгипрошахте», говорят, что жизнь — это движение.

Вторник. Опять сорвалось собрание членов кассы взаимопомощи! Никак кворума не соберем. Представитель обкома профсоюза возмущался, почему все в разъезде. Пришлось долго втолковывать ему, что изыскивать уголь и проектировать шахты на расстоянии невозможно. Кажется, понял...

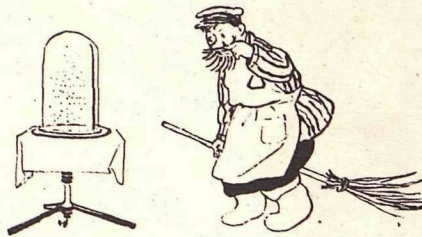
Среда. Бухгалтеры жалуются, что не успевают выписывать авансы. Начинают со зла придираться: обязательно ли, дескать, командировать такие большие бригады? И надо ли ездить в одно и то же место по пять — шесть раз в год? И не много ли мы по этой статье израсходовали — семьсот семьдесят одну тысячу за девять месяцев?.. Экие чернильные души!

Четверг. Слава богу, наша бухгалтерия порамлена! Выяснил, что «Механобр» истратил на командировки за десять месяцев полтора миллиона! У них постоянно около семидесяти человек на колесах. И правильно! Не на Васильевском же острове обогащение руд изучать...

Пятница. Посоветовал нашему главбуху сходить в «Гипроруду». Они посылают бригады сразу на несколько месяцев. И какие мощные бригады! По тридцать, сорок, шестьде-

сят, даже по сто двадцать человек. Им по смете на командировки полтора миллиона в год положено. Когда же денег не хватает, «Главгипропроект» еще подкидывает. Вот это жизнь! **Суббота.** Встретили товарищей, вернувшихся из Воркуты и Новосибирска. Хотели было провести отложенное во вторник собрание кассы взаимопомощи. Опять сорвалось! Провожали дополнительную группу в Красноярск и Читу. Завтра снаряжаем подкрепление в Иркутск и Кемерово. А как же иначе? Надо ведь науку к производству приближать...

ТРАКТАТ О ПЫЛИ КАК ТАКОВОЙ

1. Опыт пылевой лаборатории ленинградского проектного и научно-исследовательского института «Гипроникель» свидетельствует, что пыль бывает разных сортов. Есть, например, комнатная, а есть рудничная.

2. Чтобы бороться с рудничной пылью, желательнее ее изучать. Если рядом рудник, — в руднике. Если же рудника под рукой нет, можно изучать ее, как показывает богатая практика лаборатории, и в комнате.

3. Изучению лабораторией «Гипроникеля» пыли в комнатных условиях предшествовали две предварительные фазы исследований. Сперва пыль нагнеталась в установленный на дворе старый автомобильный кузов. Затем опыты были перенесены в пустующий коридор. А ныне исследования проводятся в специально сконструированном стеклянном колпаке. По-научному он называется искусственным забоем, а весь процесс определяется схематической формулой: кузов — коридор — колпак.

4. Организация пылеснабжения для исследовательских целей особых трудностей не вызывает. Оказией или нарочными пыль доставляется в Ленинград в рудников в аккуратно упакованных пакетиках. Точно так же, как Ленинградский институт нефтехимических процессов привозит себе нефть по бочончку...

5. В некоторых (преимущественно ненаучных) кругах высказывается гипотеза о целесообразности постоянного пребывания пылевой лаборатории на каком-либо руднике. Поскольку такой вариант, видимо, не исключен, Крокодил просит всех желающих направлять свои советы и предложения непосредственно руководству «Гипроникеля» (Ленинград, Невский проспект, дом 30).

ТЫСЯЧА И ОДНО «НО»

(Непроизнесенная речь директора Всероссийского научно-исследовательского института прудового рыбного хозяйства тов. Рыженко)

— Уважаемые коллеги по рыбным наукам! Я пригласил вас, чтобы сообщить пренеприятное известие... Нет, не ревизор. Хуже! Наш институт предлагает приблизить к воде и рыбе. Каким образом? Перевести его из Москвы. Нет, нет. О Дальнем Востоке, Мурманске или даже о Туле и речи не было! Нам предстоит путешествие в дачной электричке. Двадцать минут езды от столицы. Станция Балашиха. Дивное место, особенно летом! Лучшего не надо искать! Кроме дачных прелестей, два-

дцать два экспериментальных пруда. Все хорошо, но...

Не подумайте только, что я против приближения института к рыбным водоемам. Я за! Но к вопросу надо подходить по-государственному. Во-первых, всякий переезд связан с расходами. Во-вторых, будем смотреть правде в глаза: любой переезд — штука довольно серьезная. Не рожен час, побьем пробирки и колбы. Опять чистый убыток государству.

Мы не смеем думать только о своих выгодах и удобствах.

Вместе с институтом, естественно, должна была бы переехать и наша замечательная библиотека. К чему это приведет? Огромная армия рыболовов-любителей лишится справочной и научной литературы и не сумеет (подумать даже страшно!) отличить сома от подлещика.

Предположим, мы все-таки переедем в эту Балашиху. Сто пятнадцать сотрудников — из них двадцать кандидатов наук — покинут Москву. Столичная армия научных работников будет обескровлена. Разве можно допустить?

Видит бог, я всей душой за перевод института. Но... в интересах науки, которой мы служим, лучшего места, чем Москва, для научных открытий в прудоводстве и рыборазведении не найти.

Если уж так необходимо приблизить институт к водоемам, почему бы нас не приблизить к Чистым прудам? Или в крайнем случае выделить хоть один фонтанчик на ВСХВ? Мы люди скромные и можем двигать рыбную науку и в фонтане.

Примерно в таком духе я и высказался в письме заместителю председателя Моссовета тов. Макарову. Если он печется о науке, пусть пожертвует одним московским фонтаном. Наука требует жертв! Ведь это ясно, как дважды два — четыре...

В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ...

Домой, на Первую улицу Ямского поля, Крокодил вернулся в расстроенных чувствах. И, откровенно говоря, в некотором смятении: перед ним возникали все новые вопросы, и ответить на них сразу оказалось совсем не так просто, как дважды два — четыре.

Вот, например, задача отнюдь не для школьников: нельзя ли **прибавить** к экономии по бюджету те сотни миллионов рублей, которые тратятся сейчас различными институтами на командировки от мест их прописки к местам действительной работы? Тут по одному только Ленинграду высвободится 50 миллионов рублей. А у Москвы, у столицы, размах, конечно, еще шире. Она, если возьмется, сэкономит!

Вторая задача — тоже для вполне взрослых товарищей: как много жилья, школ, детских садов и магазинов могут дополнительно получить москвичи и ленинградцы, если **отнять** помещения у организаций и учреждений, которым совсем необязательно находиться в Москве или в Ленинграде?

И во сколько раз **умножатся** результаты работы каждого учреждения, если оно будет находиться именно там, где ему быть надлежит?..

Нет, Крокодил не предлагает никаких окончательных решений. Он хочет только высказаться в порядке постановки вопроса. И если читатели **разделят** его сомнения, — значит, он путешествовал не зря.

Крокодила в путешествии по Москве и Ленинграду сопровождали Е. ВЕСЕЛИН, А. ГРЕК, Я. ДЫМСКОЙ, М. КИСЕЛЕВ, В. КОЗЛОВ, Н. МАЛИНИН, С. ШЕВЕЛЕВ.

КАК ПО МАСЛУ...

НЕ ВЕТЕР бушует над бором, не в озеро Ильмень побежали ручьи — трещат звонки в районных учреждениях поселка Волот, шелестят сводками и бумагами работники райисполкома и райкома партии. Бурно и шумно начался день 8 декабря. А произошло все потому, что секретарь Волотовского райкома партии Михайлов увидел в областной газете сводку по молоку и ахнул: район, оказывается, проваливал годовой план. Федор Михайлович поднял трубку телефона:

— Соедините меня с Суздальцевым.

А когда услышал голос председателя райисполкома, нервно сказал:

— План-то, видишь, проваливаем, Василий Иванович, надо выправлять положение, и решительно выправлять!

— Мы решили, Федор Михайлович, провести одно совещание по закупке масла...

— Действуй, действуй, я затяну к тебе.

И в три часа дня совещание в райисполкоме по маслу состоялось. Суздальцев произнес захватывающую речь.

— Дорогие товарищи! — сказал он. — Все вы знаете, что наш район плетется в хвосте с заготовками молока. Нам надо приналеж и распушить свой хвост, чтобы мы, хвостовые, вышли в передовые.

— Как же из хвостовых выйти в передовые? — спросили из зала.

— А слушайте: выход у нас имеется. Надо купить масло и сдать его в «Главмолоко», — пояснил Суздальцев. — Кто осознал всю важность затронутого вопроса, тот незамедлительно внесет в общий фонд района по шесть рублей пятьдесят копеек. Считайте: у нас имеется тысяча интеллигентов и служащих! Если каждый купит по килограмму масла — вот тебе сразу двадцать пять тонн молока!

— За шесть рублей пятьдесят копеек разве купишь килограмм масла? — раздался голос у двери.

— А вы покупать не будете, — сказал директор молокозавода Большаков, — сдайте нам разницу между магазинной ценой — в двадцать восемь рублей пятьдесят копеек — и нашей закупочной — в двадцать два рубля, а мы сами всё оформим. Молокозавод наш выполнит план, а вы «пожертвуете» для районной сводки по шесть рублей пятьдесят копеек. Никаких хлопот, никакой волокиты.

В зале зашумели.

— Это — переливание из пустого в порожнее! — кричали одни.

— Очковитительство получается! — слышались голоса.

— Авторитетно заявляю, дорогие товарищи, что никакого очковитительства нет, есть просто взаимовыручка района, — сурово и твердо сказал Суздальцев. — Я, например, первый взношу тринадцать рублей в фонд «заготовок» масла! Кто следующий?

На миг все притихли. Тогда в президиуме поднялся редактор районной газеты Лукин и, застенчиво улыбувшись, положил свои тринадцать рублей.

С легкой руки председателя райисполкома и редактора дело борьбы за молоко пошло в гору. Работники райкома партии внесли 130 рублей на «сдачу» 20 килограммов масла. Служащие райисполкома закупили 59 килограммов масла, коллектив льнозавода собрал для приобретения 195 килограммов масла 1 267 рублей 50 копеек. Через пять дней тонна добротного масла из продмага перекечевала в холодильники Волотовского молокозавода.

Председатель райисполкома Суздальцев ходил по кабинету и потирал от удовольствия руки. План по закупке молока, то есть масла, успешно выполнялся. Теперь Василий Иванович был уверен, что из хвостового положения район выберется и ему не придется краснеть на заседании Новгородского облисполкома.

Все прошло как по маслу...

И. ЗАЙЦЕВ

(Спецкор Крокодила).

Новгородская область.

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН...

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

— Транспорт подан!

Андре ВЮРМСЕР

К ВОПРОСУ ОБ АГРЕССИВНОСТИ

ГАЗЕТА «Франс-суар» заявила недавно по поводу советского семилетнего плана: «Это такая грубая утопия, что поистине становится страшно за экономическое будущее России».

Тридцать лет назад другая газета, «Попюлер де Пари», писала по поводу первой советской пятилетки, что хотя это-де и «впечатляющие обещания», но они «на первый взгляд кажутся слишком грандиозными, чтобы быть осуществленными».

Вот уже более тридцати лет, как цифры советских планов вызывают «на первый взгляд» этот скептицизм. И вот уже более тридцати лет подряд советские планы не только выполнялись, но и перевыполнялись. Хотя пророчества постоянно и опровергаются, наши скептики осторожней не делаются. «Кто вспомнит сегодня, — думают они, — что мы сомневались в пятилетних планах? И кому придет на память в 1965 году то, что мы писали в 1958-м?»

С другой стороны, допустим, какой-нибудь журналист из «Франс-суар» вдруг признал бы сегодня, что эти сорок лет доказали действенность социализма и что было бы глупо предсказывать провал семилетнего плана после успешного выполнения стольких пятилеток. Будьте покойны, такого журналиста попросили бы рассказать об этом в другом месте! Уже одно то, что вы сотрудничаете в буржуазной газете, повелевает вам предрекать провал советского плана, каковы бы ни были его цифры. Тридцать лет лживых пророчеств тому свидетели.

Поэтому капиталистическая пресса и злобствующее радио брюзжат, что Советский Союз настроен на «агрессивный тон» даже тогда, когда говорит только об экономических проблемах.

Что ж, господа, будьте и вы так же агрессивны! Грозите нам семичасовым рабочим днем (только, чур, зарплату не урезывать!). Пригрозите нашим рабочим, что они больше

никогда не узнают прелестей безработицы. Напугайте французов тем, что им придется иметь самый высокий жизненный уровень в мире. Пригрозите нам пятнадцатью миллионами квартир. Припугните наших детей новыми школами и университетами. Если в этом и состоит агрессивность, так будьте же агрессивными, черт возьми!

Впрочем, мы уже наслышались немало обещаний всякого рода. Сколько квартир наобещали наши министры с 1947 года! Но обещания обещаниям — рознь: то, что является демагогией по эту сторону долларовой занавеса, является истиной по другую сторону — в мире социализма. Советские пятилетки — свидетели этому.

Мы по-прежнему стоим перед выбором. Или общество, чьи успехи на пути роста благосостояния и культуры побили все рекорды старого мира даже в его лучшие годы, или же отжившее общество, несправедливое и нелепое. Или жить под властью денег, или жить там, где деятельность каждого полезна всем и любой успех коллектива приносит пользу каждому. Поэтому-то на протяжении сорока лет упрямый скептицизм наших буржуазных пророков преследует в конечном счете одну цель: не допускать, чтобы простой человек задумался над этим основным вопросом.

* * *

Пусть читатель извинит меня: в начале статьи я совершил грубую ошибку. Высказывания, которые я приписываю недавнему номеру «Франс-суар», появились в газете «Попюлер де Пари» тридцать один год тому назад. А то, что я приписал «Попюлер де Пари», было сказано на днях в газете «Франс-суар». Читатель сам поправит. А если и не поправит, то ведь это все равно не имеет никакого значения. Не правда ли?

«Юманите»

Перевел Л. НИКИТИН.

Рисунок Милана КОПРИВНЫ (Чехословакия) для Крокодила.

ИНСТРУКЦИЯ ДИПЛОМАТОМЩИКУ

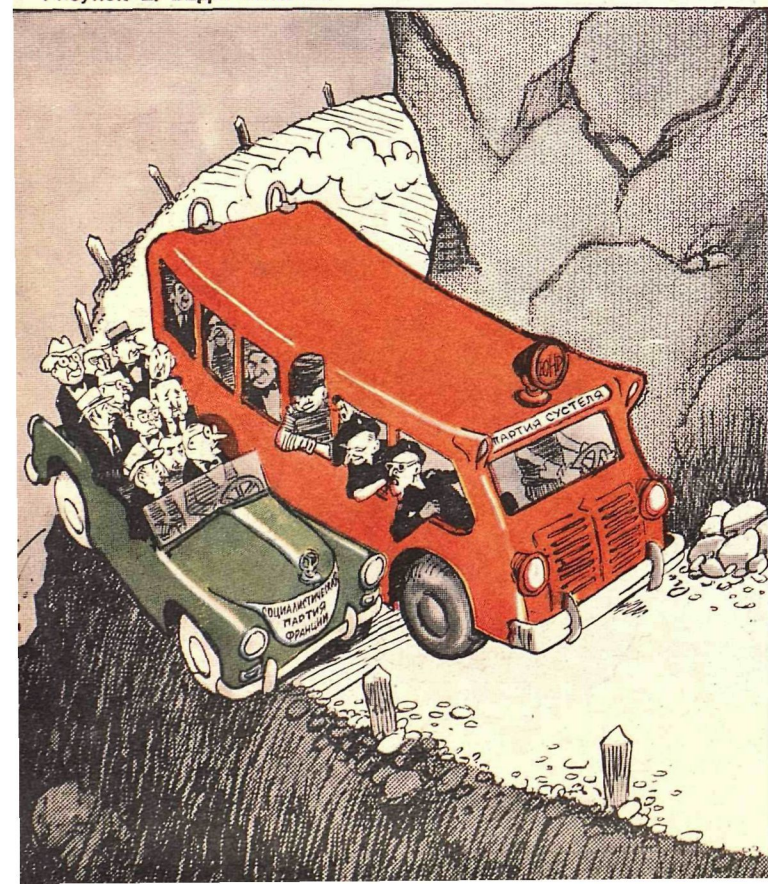
Перед совещанием трех держав о прекращении испытаний ядерного оружия.

— Дипломатия дипломатией, но не забывайте: атомная бомба — это наш бизнес!

К ИТОГАМ ВЫБОРОВ ВО ФРАНЦИИ

— А ну-ка, возьмите еще правее!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

СИБИРЬ БЕЗ СИБИРИ

ПИСЬМА ОДНОГО РАЗОЧАРОВАННОГО АМЕРИКАНЦА

ДОРОГАЯ Мэри, приветствую тебя из Новосибирска!

Ты спрашиваешь, как я нахожу Сибирь. Увы, я ее совсем не нахожу.

Каждый турист обычно начинает описание своей поездки с того, что он видел. Я опишу тебе то, что мне не пришлось увидеть.

Приготовься к самому худшему. Я не видел ямщиков. Да, да, тех самых ямщиков, о которых так правдиво и красочно рассказал сэр Джордж Кеннан в своем сибирском дневнике!

О чем задумался, детина? — Седок приветливо спросил...

Я встретил очень много детей ростом от шести футов и выше. Были среди них рабочие, крестьяне, попался даже доктор наук, но детины-ямщика не оказалось ни одного. Надеюсь, ты представляешь себе мое разочарование.

Единственные ямщицкие сани мы обнаружили в одном краеведческом музее. На них висела табличка: «Просьба не садиться».

На следующий день я решил проявить частную инициативу и действовать в одиночку. На этот раз я поставил своей целью познакомиться с купцом. Не обязательно с ухарем.

Пусть это будет скромный сибирский бизнесмен.

Сказано — и не сделано. Ты не поверишь, но найти здесь купца труднее, чем у нас работу.

Правда, удача не совсем оставила меня. Один новосибирец под большим секретом сообщил мне, что купцы давно перевелись. Итак, след найден. Остается узнать, куда они перевелись, и я буду обладателем бесценных интервью. То-то взвоят от зависти наши журналисты!

Любящий тебя Джон.

P. S. Чуть было не забыл. Видел много современных домов, первоклассных заводов, образцовых школ. В другом месте все это, может быть, и достойно восхищения, но здесь меня интересует только типично сибирское.

★

Привет из Красноярска!

Читаешь ли ты дневник Джорджа Кеннана? Помнишь, как он описывает те места на сибирских дорогах, где останавливались проезжающие? Назывались такие места станками.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

«Пробка» на Бродвее.

С большим успехом проходят в США гастроли ансамбля «Березка».

Я поклялся, что сегодня увижу станок, чего бы это ни стоило.

Но, очевидно, гид меня не понял. А еще сибиряк! Он показал мне новейшую модель строгального станка. Оригинальная конструкция, и выстроен на местном предприятии, но с какой стороны это может характеризовать Сибирь?

Целую. Твой неудачник Джон.

★

Привет из Иркутска!

Теперь мне все ясно. Сэр Джордж Кеннан, как ты помнишь, путешествовал по Сибири за 74 года до нас. А Чикагский университет выпустил его путевой дневник в этом году. И когда газета «Нью-Йорк таймс» рекомендовала эту книжку «каждому американцу, действительно желающему изучить Россию, так как там с 1885 года почти никаких изменений не произошло...», то я и стал именно таким «действительно желающим». Однако теперь я могу поклясться, что «Нью-Йорк таймс» ошиблась. В Сибири, наоборот, мало что не изменилось.

Суди сама, моя крошка. Ухари-купцы перевелись (неизвестно, куда). О ямщиках я тебе уже писал. Что касается лучинушки, то ее днем с огнем не найдешь.

Единственно полное и по-настоящему сибирское впечатление я получил от сибирских пельменей.

Твой обжорливый пельменями Джон.

Письма подготовил к печати
П. ЕВГЕНЬЕВ.

СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

— Западный Берлин — это настоящий западный рай, и жители его говорят о ликвидации существующего там оккупационного режима лишь со слезами на глазах! — любят повторять боннские министры.

Действительно, министры не бросают слов на ветер... Недавно власти ГДР задержали несколько необычный груз, который следовал из Западной Германии в Западный Берлин: более двух тысяч бомб со слезоточивым газом для западноберлинской полиции.

— Если кто-нибудь у нас и зайнется о вольном горде, — поддакивают своим министрам полицейские, — ему придется говорить об этом со слезами на глазах!..

ДИРЕКТОР УТОЧНЯЕТ...

Драма в одном действии

- Ну как, вы уже послали запасные части?
- Разумеется, товарищ директор!
- И в достаточном количестве?
- Так точно, не беспокойтесь, товарищ директор!
- Ну... слишком-то много посылать не следовало.
- Да мы, товарищ директор, слишком много и не посылали!
- В конце концов, я думаю, что их, может быть, вообще не следовало посылать...
- Да ведь мы их, товарищ директор, вообще и не посылали!

Ярослав СОБОТКА

Из журнала «Дикобраз» (Чехословакия).

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

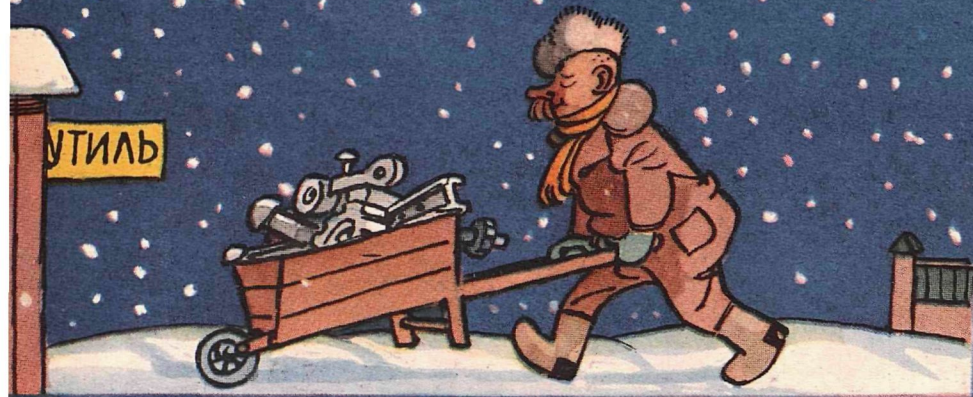
БРЕДСказатель.

Рисунок Ю. ГАНФА.

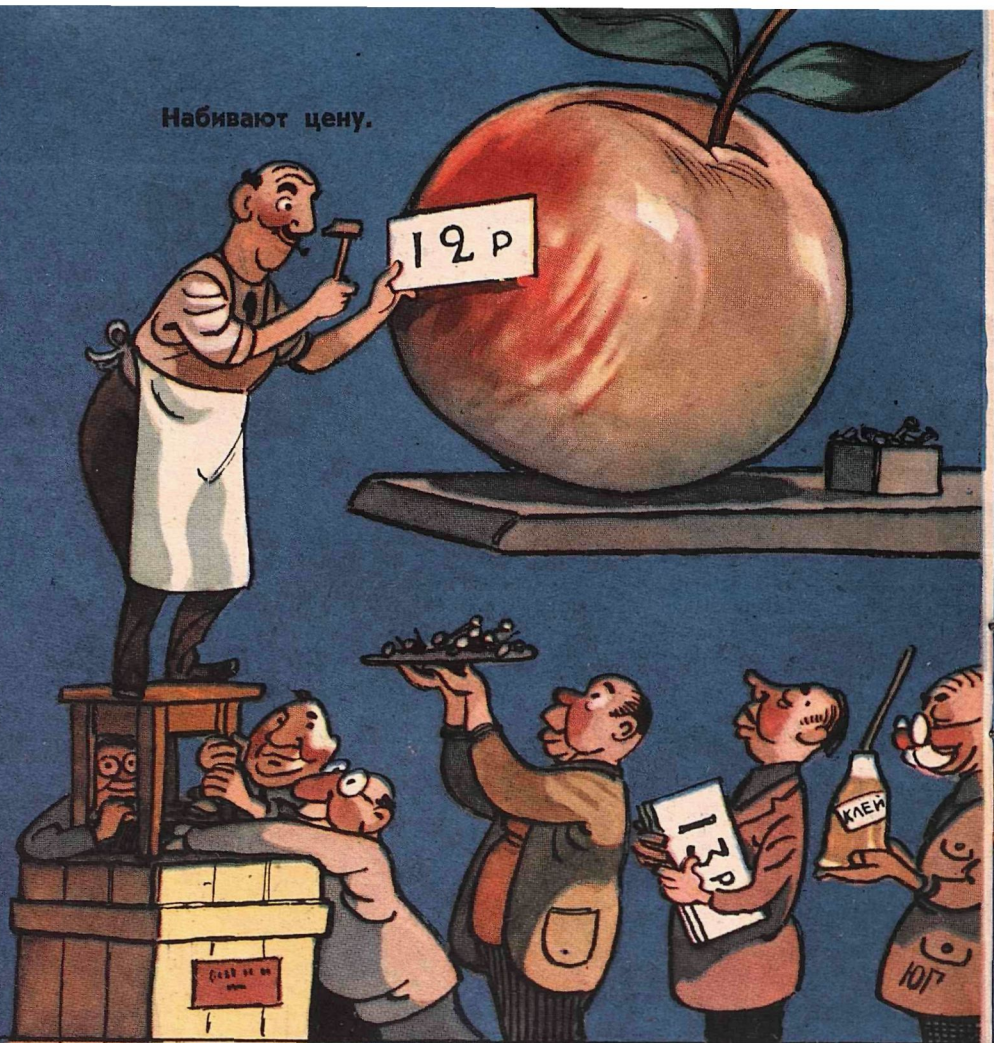

Для кого отходы производства...

...а для кого — доходы.

Набивают цену.

КРЕСЛО ПОД ДУШЕМ

Ниже мы печатаем записки женщины с весьма странной профессией. Ольга Андреевна Румянцева занята тем, что возвращает людям их человеческий облик. Такова ее служба. Таковы ее повседневные занятия.

Смеем уверить читателя, что это не слишком веселая работа. Ольга Андреевна учит своих клиентов ходить, чувствовать, мыслить. Короче, Ольга Андреевна — фельдшерница вытрезвителя. Она ведет дневник. Познакомьтесь с ним, читатель.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ТУРИСТЫ

Сегодня у нас в гостях преобладают туристы. Только что препроводили в душевую экскурсанта Аркадия Павловича Полуносова из Станислава. Усаживаясь в кресло под душем, он смущенно бормочет о том, что стал жертвой собственной любознательности. Его, видите ли, погубило чрезмерное любопытство. Ему не терпелось познакомиться с продукцией московского ликеро-водочного завода. Такая ли она, как в Станиславе? Чем она принципиально отличается от периферийной сивухи? Исследователь к вечеру очутился в вытрезвителе.

В числе любознательных туристов — инженер-электрик из Магадана Анатолий Васильевич Середин и, как это ни прискорбно, инструктор Краснополянского райкома партии Московской области Александр Иванович Савостьянов. Утром, очнувшись, инструктор начал просить не сообщать о нем в райком. Мы посоветовали обратиться с такой просьбой к нашему начальству, которое должно было прийти к десяти часам. Савостьянов расплатился с нами и пошел завтракать, пообещав через час вернуться. Он вернулся. Но в каком виде! Его снова привезли в полубессознательном состоянии!

Я не выдержала и сказала соседям Савостьянова по палате:

— Ну как вам не стыдно! Неужели вас, кроме водки, в столице ничего не интересует? Хороши гости Москвы, нечего сказать!

Туристы молчали. И только один язвительный старик, приехавший, по его словам, из Краснодара, желчно заметил:

— Нашли чем укорять. А ваши-то туристы лучше?

— Какие наши? — спросила я.

Старик извлек из портфеля газету. То была «Советская Кубань» за 12 апреля 1958 года. Я прочла:

«Несколько дней назад в Краснодаре открылся вытрезвитель... Назовем некоторых из тех, кто был в числе «первооткрывателей» вытрезвителя: директор Московского театра им. Моссавета М. С. Никонов...»

Старик торжественно посмотрел на меня. Я не нашлась что ответить. Было стыдно.

ХРАНИТЕЛИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Сегодняшний день мы назвали днем Хранителей Материальных Ценностей. Первым нас порадовал своим посещением директор магазина «Мосхозторга» № 213 Марк Федорович Сосновский. Из его отрывочных восклицаний мы поняли, что в магазине дела идут хорошо, план выполняется и он, Сосновский, чтобы не замкнуться в хозяйственной скорлупе, решил проветриться — выйти на оперативный ресторанный простор. Вышел. Напился. И очутился под забором.

Следом за Сосновским появился наш завсегдашней Николай Павлович Коницев. Николай Павлович побывал у нас... шестьдесят раз. Он задолжал вытрезвителью за обслуживание свыше... двух тысяч рублей. И сегодня Коницева подобрали на улице. Рядом лежал портфель, а в нем — книжки театральные билетов на семьдесят тысяч рублей. Хорош распространитель, ничего не скажешь!

После Коницева мы приняли начальника отдела управления снабжения Государственного комитета судостроения Николая Александровича Дьякова. Мы имели счастье лицезреть и заместителя управляющего кинообъединения «Совэкспортфильм» Александра Семеновича Трусова. Увы! Этот руководитель имел далеко не руководящий вид.

Я подумала: как можно доверять таким людям материальные ценности?

ЖЕРТВА ЗЕМНОГО МАГНЕТИЗМА

Нынче у нас какой-то пестрый контингент посетителей. Привезли бывшего артиста театра «Ромэн» Роальда Феликсовича Мелешко. Его нашли под забором, рядом с неразлучной семиструнной гитарой. Затем доставили Алексея Романовича Косенкова. Милиционеры, подобравшие его на улице, рассказывали, что Косенков никак не хотел подняться с земли. У нас он тоже все время опускался на пол, жалуясь, что какая-то неведомая сила притягивает его тело к центру планеты!

Косенкова пытались разубедить, но он кричал, называя нас неучами, темными, серыми людьми, ничего не смыслящими в земном магнетизме. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что наш клиент и в самом деле имеет отношение к магнетизму! Он оказался сотрудником Научно-исследовательского института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Министерства связи СССР.

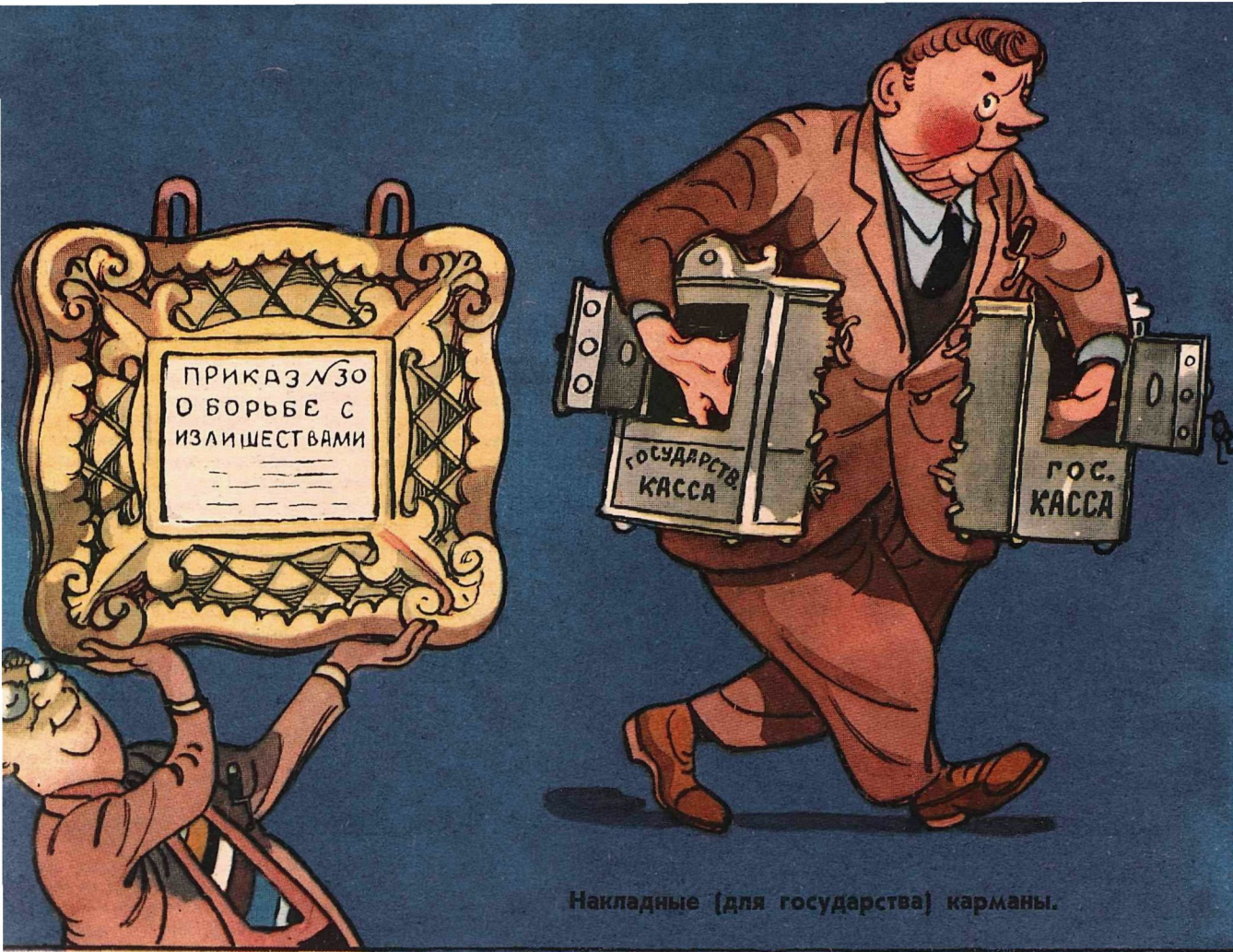
После жертвы магнетизма в кресле под душем побывало еще несколько десятков человек. Были среди них и служащие и рабочие. Глядя на этих людей, я думала: сколько разбитых жизней, надежд, искорененных биографий! Мы помогаем этим людям, как можем. Но только ли в нашей помощи они нуждаются? Не слишком ли за дешевую цену удовлетворяют они свою пагубную страсть? Да, за дешевую цену в прямом и переносном смысле этого слова! Ведь не секрет, что эти люди подчас дешево отделяются, когда их алкогольные приключения не становятся достоянием общественности. И не слишком ли дешево в прямом смысле слова обходится им повседневное общение с бутылкой?! На мой взгляд, давно бы следовало повысить цену на водку. Да так повысить, чтобы она была не по карману любителям спиртного.

Я верю, что в один прекрасный день — не знаю, когда это будет: через три, пять или семь лет, — мне скажут:

— Ольга Андреевна, кресло под душем пустует. Вы освобождаетесь от работы из-за отсутствия клиентов.

Поверьте, для меня это будет хороший, счастливый день. Скорей бы он наступил!

Ольга РУМЯНЦЕВА

Накладные [для государства] карманы.

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

ПРИЧУДЛИВО перемешались в городе Печоры, Псковской области, век нынешний и век минувший. Из уличного репродуктора разносится сообщение о полете третьего советского спутника. И вдруг диктору начинают аккомпанировать малиновым перезвоном колокола здешнего Псковско-Печорского монастыря.

Завоеванный космос — и тень средневековья!

А шагните во врата «благодатной» обители. Как густо пахнет на вас давно минувшими веками!

Нет, не так уж виноваты в этом окружающие монастырь седые стены и башни Печорской крепости, о которые когда-то разбивали свои крепкие лбы ливонские рыцари.

Не более виноваты и позлащенные звездоносные купола и звонницы семи церквей, «изрытых» в горе или вознесенных на вершины. Эти творения зодчих псковитян недаром охраняются, как памятники архитектуры.

Дело тут в обители «отрешенных от мира сего». Община, правда, не чуждается достижений современности. Есть здесь электричество, водопровод, в хозяйстве — автомашины. Под надписью на карнизе беседки: «Господи, даждь мне воды живья» — тархтит бензиновый мотор, качающий воду из артезианского колодца.

И, должно быть, для того, чтобы совсем приблизиться к современности, модернизировано название обители. Раньше она именовалась «первоклассным мужским монастырем», теперь ей присвоено гибридное название: «Монастырь-музей»!

Неумолимая администрация предупреждает граждан: «На территории монастыря-музея

запрещается рвать цветы, мять траву, ломать деревья, курить, шуметь... Виновные будут привлекаться к ответственности».

Но вот вы движетесь со свечой в руке за монахом-экскурсоводом по крошечным темным ходам музейной пещеры и слышите еле слышимые слова:

— Эта пещера богом зданная! В стенах ее заложены гробы давно погибших защитников крепости и усопших иноков. Есть гробы недавно умерших монахов. Но обратите внимание: запаха тлена совсем нет...

— А чем это объяснить? — спрашивает любознательный экскурсант.

— Святое место, — ангельски кротко отвечает экскурсовод.

Это — монастырское чудо № 1.

Есть, правда, и другой вариант объяснения свойств пещеры. Его вы можете услышать из уст самого настоятеля монастыря, отца Августина:

— Процесс разложения в пещере, конечно, есть, но очень замедлен. Там постоянная довольно низкая температура, очень сухо, темно, песчаник стен пористый и, очевидно, поглощает запахи тлена.

— А почему же ваш экскурсовод Сергей дает другое объяснение?

— Он верующий, что же вы от него хотите? Если он будет объяснять все с материалистической точки зрения, то перестанет быть верующим.

Неизвестно, случился бы такой грех с монахом или нет, но верующие наверняка перестали бы скоблить стены пещеры и уносить с собой «святой» песок.

Таких двухвариантных «чудес» (вариант для верующих и вариант для неверующих) в монастыре и близ него немало.

Зябко дремлет под заснеженной крышей часовни колесо ко-

лодца-ветерана, ровесника крепости. Редко спускается бадня в хлопотную темень колодца. Но два раза в год — в декабре и августе — прихлынут вдруг к колодцу толпы паломников. И в эти дни бадня без отдыха ныряет в колодец и выносит на поверхность воду, ставшую уже... целебной. Паломники разносят и развозят ее по домам кто в пузырьке, кто во вместительном бидоне.

— Верующие берут освященную молебствием воду.

В брошюре о «первоклассном мужском монастыре», изданной еще в прошлом веке (ее можно прочесть здесь же, в монастырской библиотеке), черным по белому значится: «Вода сия уважается поклонниками и, употребляемая с верою, служит врачеванием от глазных и других болезней».

Чем не рекламный проспект водолечебницы, основанной на святости и чуде!

Продирается через толпу в дни стечения верующих воинствующая кликуша без определенных занятий и вещает:

— А ведь вода-то эта врачует от всех болезней. Сама ею излечила глаза. Вот лопни они у меня, если вру!

Глаза ее не лопаются, смотрят довольно нагло. Значит, чудо доказано!

А вот лежит вросший в землю валун — Титов камень. Никто в Печорах не обращает на него внимания. Но наступает день особенный, вторник на Фоминой неделе, и потянутся вдруг к валуну украдкой невесты откуда прибывшие страждущие. В день этот якобы приобретает Титов камень силу чудодейственную. (А не верите, спросите у бабки Агафьи!) Если к камню приложится в обнаженном виде, да потереться боль-

ными местами, да еще оставить около него часть одежды и, сколько не жалко, денег, то изгоняет он всяческие хворобы.

Стоит в два обхвата дуб, тоже ровесник крепости. За полтысячелетие он не поддался никаким дубовым листоверткам и въедливым древесницам. Но с некоторых пор подвергся дубу нападению доселе невиданных короедов. Пустил кто-то молву, что если погрызть кору этого великана прямо со ствола, то прежде всего утолятся зубные боли. Жаждающие исцеления зубов паломники так усердно налегали на дуб, что вскоре бесстыдно оголили старика и начали вгрызаться в древесину. Ради спасения дуба от неминуемой гибели пришлось его огордить.

Спросите отца-монаха:

— Откуда же все эти сведения о чудодейственности камней и деревьев?

Отец-монах, внешне соблюдая нейтралитет, ласково забормочет в ответ на ваш вопрос:

— Народные поверья... Святое место... Если с верой и надеждой...

Только странное дело: буде инока зубная боль заставит лезть на стену, бежит он не к дубу, а в поликлинику! Совсем занедужит — вызывает врача в келью и просит лекарств, а не воды из упомянутого колодца. Или едет к настоящим целебным водам — в Кисловодск, Ессентуки, Железноводск...

Гибридный титул «монастыря-музея», древняя история крепости, природная красота здешних мест привлекают в Печоры, особенно летом, массы туристов. Едут со всей Псковской, из Ленинградской областей, из Эстонской республики и многих других мест страны. А кто их встречает?

Печорский краеведческий музей имеет армию научных сотрудников в... два человека. Эти подвижники истории в состоянии обслужить лишь маленькую долю экскурсий: ведь в летние выходные дни скапливается здесь до сорока автобусов. Обращался директор музея в областные организации, просил усилить их «армию» экскурсоводами, да все без толку. Деятельность краеведческого музея постепенно ограничивается лекциями только по истории города Печоры. К тому же на территорию монастыря работники городского музея экскурсии вообще перестают водить, ибо просветленные духом отцы-монахи встречают их взглядами зело мрачными, всеми правдами и неправдами мешают работать. И успешно мешают: как-никак, в монастыре семьдесят штатных единиц, против двух музейных.

Поток неверующих, смешавшись с ручейком верующих, вливается в ворота монастыря-музея и поступает под благорукое руководство экскурсоводов в рясках. Капают в души молодых людей, школьников еле слышимые слова:

— Святое место. Необъяснимые явления природы. С верой и надеждой...

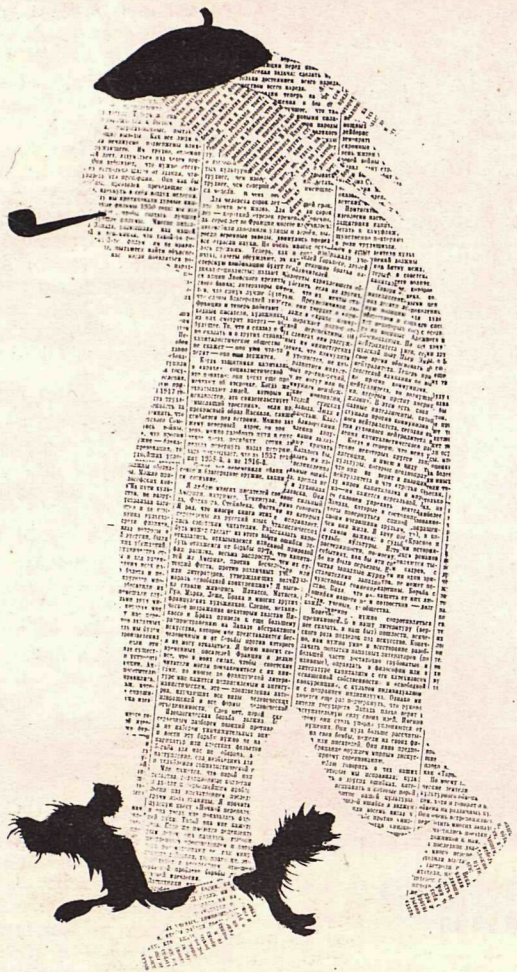
И хочется спросить:

— Если это музей, то при чем тут монастырь? Если это монастырь, то какой же это музей?

В. КУКАНОВ

СТАРАЯ

(ФАНТАСТИЧЕСКИЙ)

СЕРГЕЙ Сергеич Бакенбардов, писатель-юморист, сидел за письменным столом и, уставившись глазами в потолок, настраивался. В очередном номере журнала должен был появиться его рассказ.

— И чтобы было смешно! — свирепо сказал редактор.
«Тебе легко говорить,— с горечью думал Сергей Сергеич,— а где я тебе возьму это самое «смешно»!.. Я, кажется, про все смешное уже написал. Тридцать лет пишу одно смешное... Ошалел совсем. А написать все-таки нужно. Ничего не попишешь, нужно писать...»

И снова вперил свой измученный взор в ничего не выражающий потолок. Вместо хороших тем, свежих эпитетов и оригинальных идей на потолке вертелась давно надоевшие бюрократы, подхалимы и мелкие взяточники... Вся эта нечисть вертелась в каком-то диком хороводе... Прошло несколько минут... Красные глаза юмориста покрылись туманом, вежды его незаметно сомкнулись, и Сергей Сергеич начал тихонько по-сапывать.

Чьи-то часы за стеной пробили полночь.
В эту минуту в дверь Сергея Сергеича постучались.
«Кто бы это мог быть? — подумал он, встрепенувшись.— Петушенко или Корифьюкин? Носит же, чертей, нелегкая!..»

И он отворил дверь.
На пороге стояла женщина.
Старая, истрепанная жакетка собачьего меха висела на ней, как на кривом гвозде.

Спирально сползавшие чулки и мятая шелковая юбка говорили о длинной, неудачно прожитой жизни...

Туалет ее был дополнен старинными кружевными митенками и чудовищной соломенной шляпой, такой неуместной в холодную январскую ночь. Лицо у этой странной посетительницы было морщинистое, дряблкое, сильно напудренное и кое-где даже тронутое румянами. Во рту у нее торчала папироска, а в потухших ее глазах светилось что-то очень умное и, как ни странно, мучительно знакомое Бакенбардову.

— Вы ко мне? — спросил он неуверенно.
— Сергей Сергеич... Можно?
Она смотрела ему прямо в глаза.
— Простите,— возразил Бакенбардов,— но я, так сказать, не имею чести... ммм...

Женщина кокетливо улыбнулась.
— Ах, Сергей Сергеич! — Она игриво погрозила пальчиком.— Забывчивы вы стали! А ведь вы меня знали, и я когда-то очень нравилась вам... Бакенбардов густо покраснел.

— Я женат! — сказал он строго.— Да, я, к сожалению, женат! То есть я хотел сказать: к счастью, я женат... И вообще кто вы такая?

— Я?... — потупившись, проговорила гостья.— Я Шутка!.. Сергей Сергеич... Сережа... Я первая ваша Шутка... Ну? Помните?

И она улыбнулась очень просто и сердечно.

Что-то дрогнуло в душе Бакенбардова. Какие-то неясные воспоминания со странной силой ударили в его сердце. Серебряный весенний дождик зазвенел на бульжных мостовых Москвы, и, ступая прямо по голубым зеркалам лужиц, шел в редакцию худенький студент Сережа, прижимая к груди заветную рукопись... Бакенбардов взгляделся в лицо пришельницы... и узнал ее.

— Вы?! — вскричал он в волнении.— Вы? Помню! Вы моя милая, первая, тонкая Шутка. Что же случилось с вами, моя дорогая?

Женщина горько усмехнулась:
— Да, это я. Видите, какая неприглядная старость? А ведь была когда-то задорная, молодая, оригинальная. А потом познакомилась с вами, юмористами, артистами, и вот полюбитесь, до чего дошла.

В голосе ее послышались слезы.

— Однако что же мы стоим? — спохватился Бакенбардов.— Милости прошу, пройдемте ко мне. Выпейте чашечку чаю?

— Я не пью,— хрипло ответила гостья. Помолчала и тихонько добавила: — Чай я не пью...

И. ЭРЕНБУРГ

Изъездив землю, воду, небо,
Не удивляясь чудесам,
Он, может, где-нибудь и не был,
Но где, не помнит даже сам.

Л. НИКУЛИН

Шляпина воспев,
Сразив Наполеона,
Любил Никулин Лев
Писать про время оно.

ШУТКА

РАССКАЗ

Бакенбардов поставил на стол вино. Где-то далеко слышалась грустная, щемящая душу мелодия: это по радио Ойстрах играл Сарасате. В комнате писателя было тепло и уютно, а за окном, как полагается, выла и стонала вьюга.

— Ах, дорогая моя, милая Старая Шутка,— попросил Бакенбардов,— расскажите мне всю вашу жизнь...

— Ну что ж,— согласилась гостья,— спички есть? — Она закурила.— С чего начать?

Я родилась в тысяча восемьсот (две звездочки) году. Кто мои родители? Не знаю... Говорят, что однажды в конке меня случайно обронил какой-то подвыпивший субъект. Во всяком случае, вместе с прогрессом я перекочевала в трамвай. Там на задней площадке я познакомилась с одним молодым человеком. Это были вы, Сергей Сергеевич... Сережа... Что вас покорило тогда во мне? Моя непосредственность, свежесть? Не знаю... Помню только, что не было лекции, доклада, диспута или простой застольной беседы, куда вы не брали бы меня с собой. О да! Я пользовалась успехом! Но вы были молоды тогда, неопытны и чересчур доверчивы, и, конечно же, меня у вас похитили.

Она поминутно циркала спичками, забывая зажечь погасшую папироску.

— О, этот демон, эстрадный фельетонист! Он увез меня на Дальний Восток... Этот безумец любил меня больше жизни! Да и не мудроно: кроме меня и лакированных ботинок, у него ничего не было. И я его за эту любовь кормила... Но счастье не может длиться вечно. Однажды этот жалкий человек проиграл меня в карты начинающему конферансье. Можно еще вина? Спасибо. А и худой же был тогда этот конферансье! В чем только душа держалась! Это теперь он полторы тонны весит. В такси «Москвич» не влезает... А тогда... о, тогда он вцепился в меня обеими руками и полез в гору: Эрмитаж, Сочи, Ривьера. И все было бы прекрасно, если бы не... Брюнетик!!! С бородкой... Он охотился за мной. Что ни день — рестораны, шампанское, поездка в Переделкино, Малеевку, то да се, и незаметно для самой себя я очутилась в его пьесе...

Гостья остановилась и перевела дыхание. Справившись с душившими ее слезами, она продолжала:

— Потом пошло, поехало... Калейдоскоп какой-то... Я побывала в баснях Курчихина, эпиграммах Глазина, в скетчах Фисакова и в частушках

Цезаревича... Вы не поверите, они торговали мною! Один из них ухитрился продать меня сразу четверым: Мироновой, Менакеру, Штепселю и Тарапуньке!.. Я так устала...

Она заплакала. Побледневший Бакенбардов нежно гладил ее бесцветные, обожженные завивкой волосы.

«Неужели это те самые блестящие, роскошные кудри, которыми я когда-то восхищался?» — подумал он в том самом стиле, который так ненавидел.

— Послушайте,— сказал он тихо,— а почему бы вам не устроиться в какой-нибудь театр миниатюр?

— Во-первых, в Москве нет никакого театра миниатюр,— сказала она с досадой,— а в Ленинградском и своих Старых Шутках полно... И потом там с нами ужасно обращаются. Никакого покоя: сегодня ступай во «Времена года», завтра в «Белые ночи»... Жуть!

— А вы идите в кинокомедию! Вот где нужны Старые Шутки.

— Ну, нет! — возразила Шутка.— Я на днях смотрела одну такую кинокомедию! Заплатила за билет шесть рублей...

— И как показалось?

— Показалось, что пять переплатила...

Она застенчиво посмотрела на Бакенбардова.

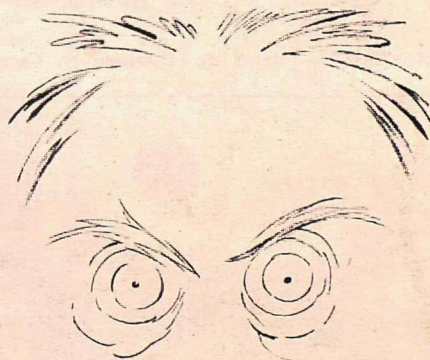
— Сергей Сергеевич,— прошептала она, покраснев,— Сережа, милый! Верните меня к жизни, поддержите меня, впишите меня в свой фельетон!.. Бакенбардов просиял и... проснул!..

...Затем он присел к столу, и перо его побежало по бумаге веселой, сноровистой рысью.

С. ЩИПАЧЕВ

Он о любви щебечет дни и ночи...
Петь можно лучше, но нельзя короче.

К. ФЕДИН

Он весь, как божья гроза,
Особенно — глаза.

Интервью Крокодила

О МЕШКАХ И КАПЮШОНАХ

У СПЕКУЛЯНТОВ и хапуг, как только они слышат эти пять букв — УБХСС, — сразу вянет физиономия. Ибо расшифровываются эти буквы так: Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

Крокодил посетил УБХСС и взял интервью у майора милиции Ю. М. Ковача. Мы попросили его рассказать о встречах с теми, кто приходит на эти встречи, будучи вызванными повесткой.

Ковач. Хочешь послушать любопытную историю о том, как спасали женщин от осенней простуды?

Крокодил. С удовольствием.

Ковач. Так вот. В жаркий летний день в кабинет директора учебно-производственного предприятия № 1 Московского городского общества глухонемых Петра Алексеевича Миргородского вошли неразлучные друзья: начальник галантерейного цеха Борис Ильич Беленький и модельер этого же цеха Иосиф Моисеевич Рабинович. Они были взволнованы. Взволнован был и хозяин кабинета. И тогда, согласно системе Станиславского, между ними возникло общение и взаимопонимание.

«Дорогой Петр Алексеевич! — проникновенно произнес Беленький. — От вас зависит судьба поколения. Приближается осень. Что будет с женщинами?»

Крокодил. «С какими женщинами?»

Начальник цеха сделал круговое движение рукой, давая понять, что речь идет, по крайней мере, о женщинах всей Российской Федерации.

«Осень — это прежде всего дожди, — сказал он, — а что из этих самых дождей вытекает, объяснит модельер».

Модельер без лишних слов изложил план спасения женщин от осенней простуды. Как все гениальное, план был необычайно прост. Миргородский подпишет заявку на базу «Мосиндодожды», Беленький и Рабинович по заявке получат полтонны полиэтиленовой пленки, галантерейный цех из этой пленки развернет изготовление непромокаемых капюшонов.

«Сухая голова — залог здоровья, — резюмировал модельер. — Женщины будут нам благодарны».

Миргородский не любил лишних разговоров. Спустя десять минут он подписал заявку, а через час неутомимые борцы с женской простудой получили на базе «Мосиндодожды» спасительную пленку. Женщины могли спокойно дожидаться осенних дождей.

Но неожиданно на пути этого благородного дела встало Министерство торговли:

«Цену на капюшон не утверждаем. Он должен стоить не шестнадцать рублей, а раза в три дешевле».

Ах, эти бюрократы из министерства! Никогда не поддержат благородного дела.

«По-вашему, шестнадцать рублей за капюшон — это дорого? Хорошо, тогда мы будем выпускать полиэтиленовые мешки для хранения одежды. Цена двадцать три рубля. Устраивает?»

Цена мешков работникам министерства показалась «божеской», и

они ее утвердили. Галантерейный цех тотчас же развернул выпуск мешков.

Крокодил. Ну, а как женщины? О них наши радетели уже забыли? **Ковач.** Не торопись с выводами. Мешки ведь тоже для женщин! Что же касается противоодежных капюшонов, то они отнюдь не были преданы забвению.

Из Львова в Москву, к Миргородскому, прилетел мастер промкомбината Михаил Эстра с просьбой выделить пятьдесят килограммов полиэтиленовой пленки для экспериментального производства. Миргородский, услышав об эксперименте, загорелся и немедленно выполнил просьбу львовского гонца.

Пленку отправили во Львов. Вслед за ней туда отбыл и Рабинович, чтобы наладить вместе с Михаилом Эстра производство капюшонов.

Крокодил. Как же уладилось дело с ценой на капюшоны? Снизил в три раза?

Ковач. Зачем? На этот раз шестнадцатирублевая цена была утверждена уже во Львове.

Крокодил. Странно!

Ковач. В торговле у нас еще немало странностей. Но продолжим рассказ... Через неделю две тысячи капюшонов были готовы. Напрасно жители Львова искали их в магазинах своего города. Капюшоны самолетом были доставлены в Москву, на областную галантерейную базу, а оттуда — в магазины. Получил их и универмаг «Петровский пассаж»...

Но что такое две тысячи спасенных от простуды женщин, когда москвичек миллионы? Беленький и Рабинович подумали и приняли мудрое решение: один мешок для одежды устраивает только одну женщину, но из каждого мешка можно выкроить двенадцать капюшонов. Число спасенных от простуды, таким образом, увеличится в двенадцать раз! Естественно, возрастет и прибыль. Ведь каждый мешок, стоящий двадцать три рубля, принесет доход в сто девяносто два рубля!

Массовый выпуск капюшонов развернулся в широком масштабе, но не в цехе, а на частных московских квартирах. Надомники и члены их семей в поте лица с утра до вечера резали мешки — изготавливали капюшоны. Работа была сделанная: один рубль за каждый капюшон. На складах капюшоны не залеживались. Без всяких документов они попадали с квартир в «Петровский пассаж», где их с нетерпением ждали не только покупатели, но особенно заведующий секцией Борисов. Да как не ждать? Барыш-то делился пополам: половина — Беленькому и Рабиновичу, другая — Борисову и его компании. А барыш был солидный. Дело планировалось на сотни тысяч рублей.

Но сколько веревочке ни виться, конца не миновать. Радетелям о здоровье женщин пришлось, хотя им этого ужасно не хотелось, встретиться с сотрудником УБХСС тов. Муравьевым, который довел до логического конца историю о мешках и капюшонах.

Крокодил. Мне остается только пожелать, чтобы у всех подобных веревочек находился конец. И как можно быстрее!

ПО ПРИВЫЧКЕ

Рисунок М. СОКОЛОВА по теме В. Петрова (г. Свердловск).

Вратарь на выставке.

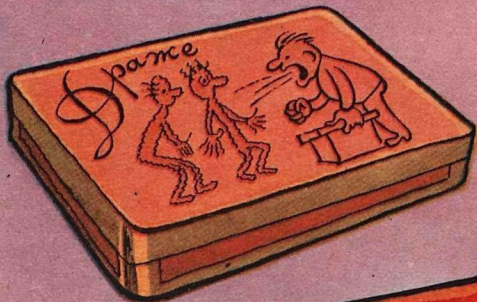
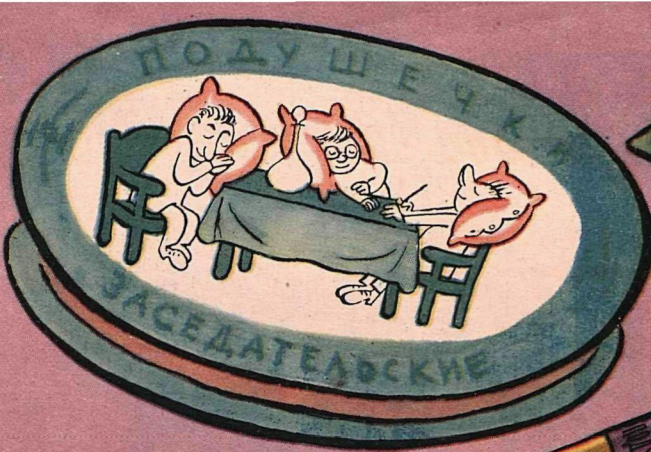
Рисунок Е. ГУРОВА.

Линии сходятся.

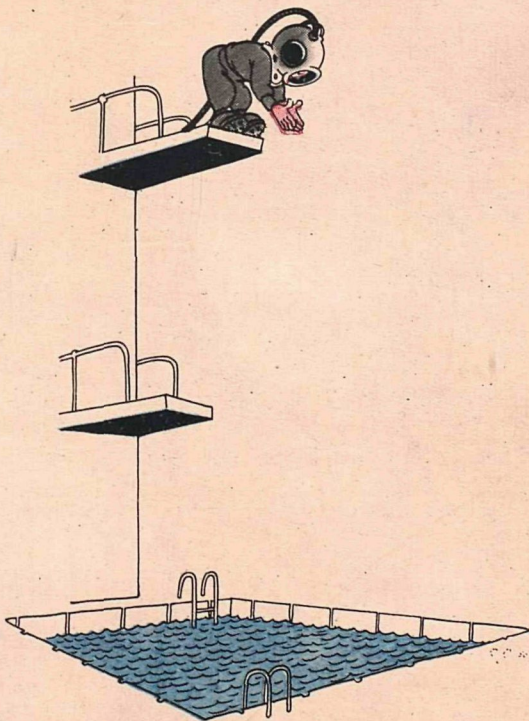

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Ю.Ф.

Рисунок К. РОТОВА.

Перестраховщик на высоте.

КТО ПОБЕДИТ?

Соревнования Крокодила

Давайте посоревнуемся! Нет, не в беге на ледяной дорожке и не в прыжках с трамплина. Лыжи и коньки тут ни при чем. Возьмите карандаш, листок бумаги и садитесь к столу.

Внимание! На старт! Сатирико-юмористические соревнования на приз Крокодила начинаются. Победит тот, кто придумает лучшую тему для рисунка и снабдит ее лучшей подписью. Не беда, если не каждый участник соревнований сможет выразить тему в рисунке. Опишите тогда вашу тему подробно.

На финише победителей ждут призы:

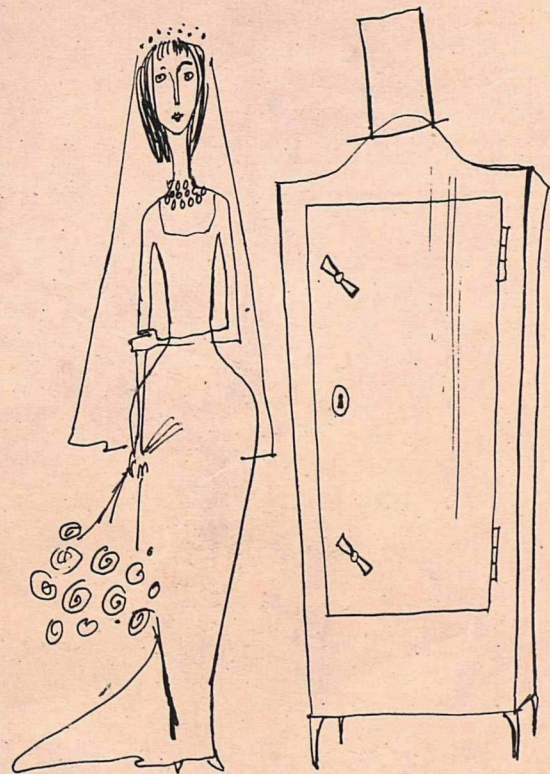
одна первая премия—1 500 рублей;
две вторые премии по 1 000 рублей;
три третьих премии по 500 рублей
и пятнадцать премий поощрительных.

Кто победит! Это определяют судьи наших соревнований — редколлегия журнала. Имена победителей должны знать все. Поэтому не забудьте сообщить свою фамилию, имя и отчество, где работаете или учитесь.

Пишите по адресу: Москва, Д-47, редакция журнала Крокодил, на конкурс тем.

Финиш соревнований (последний день присылки тем для рисунков) — 15 апреля 1959 года.

Рисунки Ласло РЕБЕРА (Венгрия) для Крокодила.

Брак по расчету.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМIRНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 11012. Изд. № 11. Подписано к печати 29/XII 1958 г. Формат бум. 70×108/8. Заказ № 3095. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

У 10 ЯНВ 1959

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Некоторые представители сельскохозяйственной науки уподобились грачам, полезность которых для сельского хозяйства до сих пор не выяснена.

964 -
М

ГРАЧИ НАЛЕТЕЛИ!